

тому идея Души одинаково воплотима в лирике любого периода развития поэзии. Как писал М. Гершензон, «перечитывая наших великих лириков, можно подумать, что все они изучали Платона и усвоили его учение» [3, с. 6].

С другой стороны, сам поэт неоднократно отмечал принципиальную разницу между романтическим и декадентским мировосприятием, между поэзией начала и конца XIX в.: «Символистами справедливее всего называть, по-моему, тех поэтов, которые не столько заботятся о выражении я или изображении не-я, как стараются усвоить и отразить их вечно сменяющиеся взаимоположения...» [6, с. 339]. «Красота свободной человеческой мысли в ее торжестве над словом... мистическая музыка недосказанного и фиксирование мимолетного — вот арсенал новой поэзии... Но белая бездна отделяет индивидуализм новой поэзии от лиризма Байрона... Вместо скучных гипербол, которыми в старой поэзии условно передавались сложные и нередко выдуманные чувства, новая поэзия ищет точных символов для *ощущений*... и для настроений» [6, с. 205, 206].

Сказанное Анненским о других поэтах его времени равно может быть отнесено и к его собственному творчеству. Поэтому правомернее говорить не о романтизме Анненского, а о формировании в его лирике на основе общеромантического представления о тоске как об основном чувстве, охватывающем творческую личность в земной жизни, собственно авторской концепции человеческого существования как страдания, томления, тоски: «Пока в тоске растущего испуга / Томиться нам, живя, еще дано» («Черный силуэт»), «И там, среди зеленолицых, тоску привычки затая, / Решать на выцветших страницах / Постылый ребус бытия» («Идеал»).

Отметим, что в лирике Анненского концепция жизни-страдания приобретает не личностный, но общечеловеческий характер: «А где-то там мнутся средь огня / Такие ж Я без счета и названья, / И чье-то молодое за меня / Кончается в тоске существованье» («Гармония»). Более того, для идиостиля поэта характерно сочетание абстрактного существительного «тоска» с конкретными вещественными неодушевленными существительными в конструкции родительного определительного («Тоска вокзала», «тоска белого камня», «тоска медленных капель»), с существительными, обозначающими абстрактные понятия («тоска мимолетности»), с собирательными существительными («тоска синевы») и т. д. Подобное многообразие определительных конструкций создает эффект полного охвата названным признаком («тоской») всех явлений, предметов, существ действительности, что позволяет говорить о всеобщности, почти терминологичности понятия «тоска» в лирике Анненского: «И чаши открывшихся лилий / Дышали нездешней тоской» («Январская сказка»); «Но я тоски не поборю. / В пустыне выцветшего неба / Я вижу мертвую зарю / Из незакатного Эреба» («Спутнице»), «Тоска припоминания» (название стихотворения). «Припоминание» — буквальный перевод с греческого «анамнезис», термина платоновской философии, обозначающего «состояние человеческой души, припоминающей в здешнем мире виденное ею в мире потустороннем» [7]. «Теория платоновского анамнезиса глубоко мистична, созерцательна. Цель ее — направить мысль к роду знания, отличного от обычного... Платоновский анамнезис — обращение к довременному, вечному» [5, с. 109].

Иначе говоря, «тоска» Анненского сродни библейскому «логосу», под которым «разумеется не одно определенное, языком произносимое и слухом понимаемое слово, но слово вообще» [8, с. 210]; т. е. слово «тоска» в идиостиле Анненского становится символом — «той смысловой обобщенной мощью предмета, которая, разлагаясь в бесконечный ряд, осмысливает собой и всю бесконечность частных предметов, смыслом которых она является» [9, с. 65]. Так же, как «каждое из выражений, употребленных Фаустом: мысль, сила, дело — заключает в себе только часть того, что вполне и совокупно заключается в выражении евангельском: слово»